

ЕЛЕНА ВОРОН

АНГЕЛЫ- ХРАНИТЕЛИ

РАБОТАЮТ БЕЗ ВЫХОДНЫХ

Елена Ворон

**Ангелы-хранители
работают без выходных**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ворон Е.

Ангелы-хранители работают без выходных / Е. Ворон —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-766894-6

Кэттан Морейра, еще недавно благополучный молодой человек с солидным счетом в банке, сейчас отчаянно нуждается в деньгах, чтобы купить свободу своей красавице-жене — невольнице с чужой планеты. Он вынужден согласиться на странную работу: оберегать сумасбродного, безрассудного Виктора Делано от любой опасности. А Виктор вдруг оказывается единственным, кто может встретить космический корабль-убийцу и отвлечь смерть на себя, спасая большой пассажирский экспресс. Что делать ангелу-хранителю, если залог его собственного благополучия жизнь друга?

ISBN 978-1-38-766894-6

© Ворон Е.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Ворон

Ангелы-хранители работают без выходных

Глава 1

Ночь, черная, теплая ночь, сполохи красных и синих огней, бегущий свет фар, надрывный вой полицейской сирены – и распахнутые настежь двери, зияющий провал в земле. Холод. Могильный холод стилого камня – дыхание подземелья. Узкий луч фонаря падает вниз на ступени, шарит по голому бетону... Шаг, еще... Светлое пятно дрожит на полу, и чей-то голос за спиной: «Осторожно, там нет перил». Пятно света медленно заползает в угол, темнота отступает: тонкие выпрямленные пальцы, обнаженная рука, лицо в ореоле рассыпавшихся черных волос... застывшее, мертвое, и слепые глаза – белесые, высохшие. Наташа! Это же моя Наташа... А наверху, на земле, слышатся голоса, хлопают дверцы мобильных, отчаянно воеет сирена...

Виктор Делано вскинулся, сел на постели, потряс головой, отгоняя кошмар. Сирена продолжала кричать. С трудом соображая, где находится, он потер лицо и потянулся к настойчиво гудящему коммуникатору.

– Мм?

– Будь добр, подойди к Ларкину, – раздался в ответ натянутый холодный голос – такой холодный и натянутый, что Виктор едва узнал Кэттана Морейру. – И побыстрее. – Кэтт отключил связь.

Кажется, я что-то проспал? Вот что значит прилечь после обеда – тут-то самое интересное и происходит. Он обулся, заправил рубашку, натянул форменную куртку, мельком заглянул в зеркало – мерзость какая, глаза б мои не смотрели! – пригладил волосы и выскочил из дому.

Поселок был невелик, но Виктор Делано жил на самой окраине, и до шефа полиции Эдмунда Ларкина идти было с километр. Виктор быстро шагал мимо двухэтажных коттеджей, окна которых отливали мягким розовым блеском; небо над головой стало зеленоватым, а заходящее солнце таяло в затянувшей горизонт жемчужной дымке – к дождю.

Он свернул на дорожку к дому, который не без иронии именовался полицейским Управлением. Под началом у Ларкина было три человека: старожил Луис Шелтон и прибывшие на Изольду две недели назад Виктор Делано с Кэттаном Морейрой. Шеф ворчал и жаловался, что с появлением сумасбродного Делано не стало никакого покоя и лучше бы Кэттан увез его обратно на Франческу, на что Кэтт снисходительно улыбался и призывал шефа потерпеть.

Виктор и сейчас был готов отколоть какой-нибудь номер, например, с грохотом ввалиться в Управление через открытое окно, но его остановил донесшийся изнутри голос Кэтта:

– Чисто по-человечески, ты не можешь меня посылать. Хочешь угробить Делано – твое право...

– Никого я не хочу гробить, нотабене, – перебил Ларкин; присловье у него такое было – «нотабене». – У нас нет выхода.

Виктор вошел через распахнутую настежь дверь.

– Что это шеф против нас замыслил? – обратился он к Кэтту, оглядев всех троих.

Луис Шелтон поднялся из своего любимого кресла, в котором, бывало, сживал часами, болтая с Ларкиным о том, о сем, и кивнул на освободившееся место:

– Садись.

Виктор остался стоять.

– За какие грехи, шеф, вы решили нас с Кэттом известить?

– Сядь, тебе говорят.

– Луис, – повернулся он к Шелтону, – что такое затевает наше славное начальство?

– Да сядь ты наконец! – не выдержал Кэтт.

Пожав плечами, Виктор пристроился на убогом стуле в углу. Эдмунд Ларкин, невысокого роста, широкоплечий, внушительный, медленно поднялся из-за стола, обошел его и присел на край. Посмотрев тяжелым взглядом на Кэтта, он обратился к Виктору:

– У нас гости. «Десперадо» на орбите.

Виктор присвистнул, и охота корчить шута пропала. «Разбойник», «Головорез», «Убийца» – так нарекли этот корабль. Построенный неизвестными инженерами из космических глубин, «Десперадо» был космическим пиратом, беспощадным и неуловимым. Убийца, чье появление невозможно ни предсказать, ни предотвратить, громада, против которой оказались бессильны все доступные человеку способы уничтожения, неуловимый хищник, охотник за звездолетами. Взяв корабль в плен, он убивал на борту все живое, выводил из строя аппаратуру и возвращал мертвую скорлупу. Неизвестно откуда являясь и неведь куда пропадая, «Десперадо» бесчинствовал на галактических трассах вот уже три с лишним месяца.

– Но нас-то он не тронет, – проговорил Виктор. – Мы же не на орбите, а на поверхности. Ларкин громко и выразительно вздохнул, словно большой компрессор.

– А почта придет согласно расписанию, – сказал он, всем корпусом поворачиваясь к Кэттану Морейре.

Кэтт сидел, ни на кого не глядя, хмурый и замкнутый.

– Буксир уже выбросили, – добавил Шелтон. – Только наш разбойничек плевать хотел, даже с места не тронулся. Буксир мимо просвистел да и учесал, еле вернули, а он не заинтересовался ни вот столько.

Все правильно – поначалу «Десперадо» проглатывал управляемые автоматикой корабли и, сытый, убирался восвояси, но уже месяца два как перестал на них покушаться.

– Разбирается, собака, где пустой корабль, а где с экипажем, – заметил Виктор.

Луис подошел к окну, поглядел в зеленоватое закатное небо.

– Почтовика ждет.

Ларкин снова посмотрел на Кэтта.

– У нас есть корабль, – сказал он. – И есть пилот. Так что даже если Кэттан отказывается... Ты отказываешься?

Кэтт вскинул голову, и его мягкие, бархатные глаза неожиданно стали враждебными.

– Да, отказываюсь. Я выслушал твои доводы и считаю, что это вздор.

Виктор поерзал на стуле. В животе зародился неприятный холодок. Профессиональных пилотов на Изольде нет, и единственный человек, способный хотя бы вывести звездолет на орбиту – он сам, Виктор Делано, двадцати четырех лет, научившийся пилотированию на Франческе, когда они с Наташей одно время баловались на тренажерах. Но... Но он же не сможет этого сделать.

– Ладно. Ты справишься и один, – повернулся к нему Ларкин. – Взлетишь, пристроишься к «Десперадо» и будешь перед ним выделываться, пока он не клюнет. Хотим мы того или нет, надо освободить путь почтовому, нотабене. Разбойник сожрет одного и уберется... – Ларкин замолчал, перехватив тревожный взгляд, который бросил Виктор на Кэтта.

Тот поднялся, пересек комнату и встал рядом с другом – изящный, тонколицый, с большими кофейного цвета глазами, похожий на актера, надевшего полицейский мундир во время съемок. На Франческе он работал экспертом в криминалистической лаборатории.

Кэтт с Виктором составляли колоритную пару. Виктор Делано был отчаянно, сумасшедше красив, но Ларкин мог бы поклясться, что красота эта ему не в радость: он стесняется своего лица. Не нравятся Виктору ни ярко-синие глаза, ни черные брови, ни пепельные кудри;

единственный неоспоримый плюс – не приходится каждый день бриться. То есть вообще не приходится, что при извечной мужской лени немало значит.

Не повезло парню: когда он, обгорелый, полумертвый, лежал в клинике, никто и не спросил, какое лицо он бы себе выбрал, и врач делал пластические операции по собственному разумению. Во всяком случае, так объяснил сам Виктор, когда Ларкин задал ему прямой вопрос.

Кэтт прислонился к стене.

– Ты думаешь менять одного на одного – допустим, – заговорил он, словно через силу. – Но, Эд, здесь другая арифметика.

– Это какая же?

Кэтт не отвечал, глядя на шефа исподлобья.

– Ну, говори, нотабене. Я готов тебя выслушать, время еще есть.

– Нет никакой другой арифметики, – вырвалось у Виктора. – Просто...

– Молчи! – обрезал Кэтт. – Помолчи пока.

Ларкин посмотрел на них с новым интересом.

– Кэттан...

– В действительности ты будешь менять одного на троих. Одного почтовика на троих.

Луис Шелтон удивленно поднял брови, Ларкин же откинулся назад и оперся ладонями о стол.

– Что-то я тебя, Кэттан, не пойму. Виктор, может, хоть ты мне растолкуешь?

– Молчи, – властно повторил Кэтт, положив ладонь другу на плечо. – Эд, оставь парня в покое. Поверь мне на слово, это однозначно: один к трем.

Да какого черта? – с тоской подумал Виктор. Зачем он дурит шефу голову, мелет чушь, когда это так просто? Объяснил бы сразу, и дело с концом – даже если я умру от стыда.

Ларкин глянул на часы, затем, очень пристально, на Кэтта.

– Если тебе нечего больше сказать, то я, с твоего позволения, поговорю с Делано. И не затыкай ему рот, будь любезен, иначе окажешься за дверью.

Кэтт промолчал, а шеф полиции отлепился от стола и подошел к ним вплотную.

– Виктор, я не собираюсь делать из тебя героя, это всего-навсего твой долг: нужно убрать отсюда «Десперадо». Пусть даже ценой человеческой жизни. Мы с тобой служим в полиции, и наша работа – обеспечить почтовика свободный путь.

У Виктора запылало лицо. Он уже открыл было рот, собираясь признаться, что ничего не сможет сделать, что это выше его сил, но пальцы Кэтта стиснули плечо, и он опять промолчал.

– Кэттан! – рявкнул Эдмунд Ларкин. – Убирайся к черту, или я...

– Оставь его, он никуда не полетит, – холодно проговорил Кэтт.

– Это еще почему?

– Я сказал: не полетит.

– Виктор, – вкрадчиво спросил Ларкин, – а у тебя язык, что ли, отнялся?

Виктор вскочил.

– Хорошо! – он стряхнул с плеча руку пытавшегося удержать его друга. – Кэтт, брось... – Запнувшись, он обвел всех отчаянными глазами. – Я попробую. – И кинулся вон из комнаты.

– Куда?! – Кэтт метнулся следом, выскочил из дома, пробежал по дорожке и догнал его уже на шоссе. – Не сходи с ума. Дел! Да стой, сумасшедший; ты пешком на космодром собрался?

Виктор остановился, перевел дух, откинул со лба волосы.

– Ты со мной? Хорошо. Какую машину берем?

– На что тебе машина? Дел, ты сам знаешь: это невозможно.

– Знаю. – Он нагнул голову и сжал кулаки. – Получше тебя знаю! Но так ведь и жить невозможно.

– Целее будешь, – хладнокровно отозвался Кэтт. – А то как смерти ищешь.

Виктор не ответил, повернулся и пошел по дороге к дому Шелтона. Кэттан искоса поглядывал на него, шагая рядом. Бедняга Дел, вот уж кому не позавидуешь. Он не боится смерти, не боится «Десперадо», он хочет добраться до корабля-убийцы и совершить свой первый и последний в жизни подвиг – точнее, как говорит Ларкин, выполнить свой долг... А вот и нет. Не сможет. Будет мучиться, переживать, сгорая со стыда и не зная, как смотреть людям в глаза – и все равно: корабль ему с космодрома не поднять.

Хотя почтовика, конечно, жаль.

Длинный мобиль Луиса стоял прямо на обочине. Виктор открыл дверцу, еще раз спросил:

– Ты со мной?

– С тобой, – вздохнул Кэтт и вперед него сам сел на водительское место. – Поедем, раз уж так.

Он тронул с места и не спеша покатыл по широкому пустынному шоссе. Поселок на Изольде вымирал. Планета не была рекомендована к массовому заселению, и после того, как ее богатейшие серебряные рудники истощились, люди разъехались; остались пустые дома, космодром да станция космического слежения, еще не законсервированная, хотя о том уже ходили разговоры.

Сейчас на Изольде жило всего десятка три человек, и Эдмунд Ларкин был немало удивлен, когда две недели назад с Франчески спецрейсом прилетел Кэттан Морейра с женой и другом и объявил, что они с Делано переведены сюда работать. Этого Ларкин никак не мог понять. Однако с Франчески подтвердили, что да, все так и есть; да и почему бы им, в самом деле, не работать на Изольде? Никакой настоящей работы, разумеется, здесь для них не было, и оба просто получали деньги за проживание в поселке.

Виктор тоже не мог этого понять. Глушь, дичь, жалованье грошовое, не в пример Сильвер-Лайзу, откуда они уехали. Какая-то необъяснимая блажь супругов Морейра. Впрочем, братец Кэтт, кажется, просто-напросто от кого-то удрал. Собрался в одночасье и дал тягу; разве можно было бросить его в решительную минуту?

Виктор открыл панель встроенного бара. На колени ему упал свет вспыхнувшей внутри лампы, и яркой радугой заиграли многочисленные бутылки.

– Однако же наш Луис запаслив, – сообщил он. – Попользуемся?

Кэтт покачал головой.

– Закрой, нечего там пользоваться.

– А ты не жадничай – шелтоновское, не твое, – Виктор достал маленькую бутылочку в золотой обертке. – Вот будет в самый раз.

– Поставь, говорю, на место.

– Отвяжись. Смертнику все можно, Луис еще гордиться будет, что я в его баре храбрость на грудь принял. – Он сорвал обертку.

– Прекрати! – велел Кэтт, и Виктор замер с бутылкой в руках. – Я сказал, поставь на место.

Он молча подчинился и закрыл бар; в салоне осталась лишь подсветка консоли управления. Зеленоватые сумерки снаружи густели. С обеих сторон шоссе высились громадные деревья, их толстые гладкие стволы бежали навстречу, отсвечивая красноватыми бликами.

– Я тебя придушу, – почти серьезно пригрозил Виктор. – Какого лешего ты сегодня без конца командуешь?

Кэтт промолчал, лишь грустно покачал головой, видимо, в ответ на собственные мысли.

– Я, например, думаю, – продолжал Виктор, – что если б тыпнул как следует, что-нибудь бы и вышло. Когда море по колено, то и взлететь можно, и на «Десперадо» войной пойти... – От спиртного его мутило, и оба это прекрасно знали. – Да ты пойми, – проговорил он с глухим отчаянием, – мне ж хоть топись. Ну, придет почтовик, разбойник его сожрет, а я что? Что я тогда вообще здесь в полиции делаю? А тут бы хоть напился, долбанул по мозгам – может, и полегчало б.

Лежащие на консоли точеные руки Кэтта шевельнулись.

– Не надо меня уговаривать. Хочешь – давай. Пей.

Виктор вновь открыл бар – и вдруг на него навалилось то самое, чего он ожидал и больше всего боялся: черный неодолимый ужас, животный страх смерти. Проснувшийся и заоравший во все горло инстинкт самосохранения, запрещающий ему рисковать собой, гнавший прочь от любой опасности, не позволявший не то что умереть, но даже достойно жить.

– А, черт... – выдохнул он.

Кэтт остановил машину.

– Ну? Можно поворачивать?

Виктор опустил голову, стиснул ладонями лицо. Кэтт молча ждал; затем поморщился и потер руки, словно они озябли.

– Возвращаемся?

Виктор застонал в ответ, но помотал головой. Упрямец.

– Тогда – что?

– Поехали. Я... попробую.

Кэтт откинулся на сидении.

– Что ты попробуешь, черт тебя подери? До космодрома еще полчаса пути – ты же умрешь раньше.

Виктор снова помотал головой, уронил руки на колени.

– Поехали. Не умру.

Кэтт пожал плечами, снова тронул машину, свет побежал вперед по дороге. Он искоса бросил взгляд на друга: стиснутые кулаки, закушенные губы, даже в сумраке салона видно, как от виска стекает капелька пота. Как он выдерживает этот леденящий, парализующий тело и волю ужас? Невероятно.

– Останови, – вдруг хрипло сказал Виктор.

– Домой?

– Останови, говорят тебе! – Он выбрался из мобиля, пошел назад по обочине.

Кэтт мрачно ждал. Нет, Дел не сможет выйти на орбиту. При всем его мужестве, не сможет.

Через несколько минут Виктор вернулся, сел в машину.

– Едем.

– Опять едем? Да ты хоть на руки свои посмотри – как за пульт сядешь?

Виктор поглядел: руки дрожали.

– Черт с ним со всем! Все равно поехали. Терять нам нечего.

Кажется, ему полегчало. Он вновь открыл бар, вынул приготовленный бутылек, приготовился скovyрнуть пробку – и Кэтт неожиданным движением вышиб у него бутылку.

– Какого черта?! – Виктор размахнулся, собираясь вправить ему мозги – но вновь захлебнулся знакомым смертным страхом. – А-у, – застонал он.

– Дел, – терпеливо сказал Кэтт, – мы оба знаем, что это невозможно. Не мучай себя без толку.

Он начал было разворачиваться.

– Нет, – Виктор схватил его за руку. – Стой!

– Виктор, Кэттан, – вдруг прозвучал из коммуникатора голос Ларкина, – вы чем там занимаетесь?

Кэтт вздрогнул и остановил машину.

– Где вы? – продолжал шеф.

– На шоссе.

– Кэттан, что у вас происходит?

– Едем к космодрому, – выговорил Виктор сдавленным голосом. – Будем через четверть часа.

Ларкин хмыкнул.

– Ну так поторопитесь, не то почтовик придет раньше, чем вы доползете.

Кэтт перевел дыхание. Ох уж мне этот Ларкин! Он вновь послал машину вперед.

– Дел? Ты как?

Виктор не ответил. Кэтт и без того знал – плохо. С ума с ним сойдешь, с этим упрямым.

Шоссе стремительно стлалось под колеса, отлетала назад темная стена высоченных деревьев, и казалось, будто мобиль мчится по дну каньона. И никого вокруг. Да так оно и было: на всей планете лишь три десятка человек в поселке, да четверо на станции слежения при космодроме. А наверху, прямо над головой, висит-выжидает космический убийца.

– Скоро?

– Пять минут, – коротко отозвался Кэтт. Неужто Дел все-таки способен вырваться из своего ужаса и умчаться на орбиту?...

А Виктор не пытался вырваться – он пытался с этим ужасом жить. Нагнув голову, сторбившись, сжавшись, он обрел некое равновесие, в котором дикий страх не убивал, не раздирал его на части, а был пусть мучительным, но все же терпимым состоянием. Я хочу умереть, сказал он себе. Да, именно так: хочу умереть. Лучше один раз погибнуть в схватке с космическим убийцей, чем всю жизнь провести с ощущением собственной никчемности.

– Прибыли.

Кэтт остановил машину на краю космодрома. Дорожка света далеко протянулась по пустынному полю. На фоне темно-зеленого неба чернели два силуэта – возвращенный автоматический буксир, на который не соблазнился «Десперадо», и маленький корабль – игрушка, предназначенная скорей для баловства, чем для перемещения в пространстве.

Виктор шевельнулся.

– Кэтт... Скажи, что я смогу это сделать.

– Дел! Черт, ну зачем...

– Ладно уж, молчи. – Виктор открыл дверцу. Медленно, словно преодолевая какое-то сопротивление, опустил ногу на землю.

Кэтт невольно затаил дыхание. Представить себе невозможно, чего ему это стоит, бедолаге, упряму сумасшедшему, черт бы его подрал! Виктор вылез из машины, постоял, опираясь ладонью о корпус, глубоко вздохнул.

– Уезжай. Я сам.

Кэтт выскочил следом.

– Послушай...

– Уйди. – Виктор повернулся к кораблю, провел ладонью по щекам – лицо было мокрое от пота. – Толку от тебя... – Он сделал первый шаг, постоял, затем снова шагнул вперед.

Кэтт потрясенно смотрел ему в спину. Да разве может такое быть?

– Куда тебя несет? Совсем ополоумел? – Он догнал Виктора, хотел взять за локоть.

Виктор отмахнулся – устало, равнодушно, весь сосредоточась в себе.

– Виктор, Кэттан, – приглушенно донеслось из машины, – отвечайте!

– Ларкин вызывает, – встрепенулся Кэт. – Подожди тут. – Он кинулся обратно к мобиле, сунул голову в салон, не спуская глаз с Виктора. – Кэттан слушает.

– Отбой.

– Что такое?

– Разбойник устал вас дожидаться и убрался с орбиты. Со станции говорят: как ветром дуло! – радостно прокричал шеф, словно в том была и его заслуга. – Возвращайтесь.

– Понял. – Кэтт повалился на сиденье. Бывает же порой удача. – Дел! – крикнул он. – Едем домой – пират отчалил.

Полумертвый, Виктор заполз в салон.

– Чуть не сдох, – выговорил он, отдуваясь и вытирая пот с лица, и неожиданно улыбнулся. – А все-таки я бы дошел. Понимаешь? Я б до него добрался!

В голосе его звучала гордость, которая кольнула Кэтта в самое сердце. Бедняга, никуда бы ты не дошел. Он развернулся и повел машину обратно. Минут десять ехали молча.

– Скажи, – вдруг заговорил Виктор, – что за чушь ты нес Ларкину про обмен одного на троих?

Кэтт поморщился.

– Черт меня дернул за язык. Ты лучше послушай, что шеф придумал: чтоб мы с тобой вместе отправились к «Десперадо», с дезинтеграторами и со взрывчаткой, которая осталась со времен рудников, а шеф бы нам дал скафандры высшей защиты – дескать, у него на складе последняя модель, якобы неодолимая и непобедимая и не знаю еще какая.

– Отличная мысль. Что ж ты отказался?

– У тебя, я погляжу, чувство юмора проснулось? Так вот, разбойник бы нас проглотил, но, по мысли Ларкина, должен был наступить короткий миг, когда он еще не начал переваривать. Тут-то ты прошелся бы по нему дезом, а я, со взрывчаткой, устроил маленькую сверхновую. Шеф утверждает, что коль скоро снаружи пирата одолеть невозможно, изнутри он должен оказаться беззащитным и нежным. Каково?

Виктор помолчал, размышляя.

– Ты, братец Кэтт, насмехаешься над Ларкиным – а зря. Я б, например, взял и взрывчатку, и дез. Тебя-то, конечно, брать не стал, нечего создавать толпу в неподобающем месте... Жаль, разбойник ноги унести поторопился. Ну, не беда; в следующий раз.

Кэтт изумленно покрутил головой. В следующий раз! Одно слово, сумасшедший.

– Анжелика приглашала на ужин.

Виктор улыбнулся.

– Опять сидите голодные?

Прийти к Кэту с Анжеликой на ужин означало принести с собой побольше еды; Анжелика изумительно ее украшала и подавала на стол, и все трое наедались досыта. Виктор подозревал, что если бы не он, супруги Морейра совсем бы пропали: жалованье Кэтта, не такое уж маленькое, куда-то улетало бесследно, и они порой просто голодали, а безделушки и украшения Анжелике дарил Виктор. За всем этим ему виделась смутная тень какого-то неблагоприятного поступка, за который Кэтт расплачивался вот уже четыре года у него на глазах, а до тех пор еще неизвестно сколько. Он бросил взгляд на друга, на едва видимое в темноте тонкое лицо. Неужто братец Кэтт и впрямь втюхался во что-то неприглядное?

– Кому ты платишь?

Кэтт не ответил. Виктор поставил вопрос иначе:

– От кого мы удрали с Франчески?

Кэтт согнутым пальцем постучал себя по лбу и указал на коммуникатор на консоли.

– Ты доставишь мне большое удовольствие, если прекратишь задавать идиотские вопросы. Я спросил про на ужин, а не хочешь – не настаиваю.

– Не приду. – Виктор помолчал и добавил: – У меня еды до черта, приходи забрать лишнее.

– Не приду, – с усмешкой ответил Кэт. – Анжелика пирог испекла, а ты не получишь ни крошки.

Он довез Виктора до дома на самой окраине поселка и уехал вернуть Шелтону его машину.

Виктор постоял на обочине. Огляделся. Как странно после сверкающего шумного Лайза, сердца Франчески, быть здесь, где глухую темно-зеленую ночь пронзает лишь с десяток редких огоньков и где царствует первозданная тишина. Как хорошо... И одиноко.

Он прошел в дом, зажег свет во всех комнатах и включил музыку, чтобы прогнать наполнявшую дом тишину. Безо всякого удовольствия пожевал чего-то на кухне. Конечно, можно было к Анжелике завернуть на пирог; они с Кэттом поели бы, как люди. Виктор прижался лбом к прохладному стеклу, бездумно вглядываясь в ночь. Свет из окон падал на вымахавшие в половину человеческого роста сорняки. Скоро вырастет кустарник, а потом и настоящий лес. Интересно, а мы куда денемся, когда все уедут? Не останется же Кэтт в этой пустоши.

Не зная, куда себя девать, он побродил по дому, вышел в запущенный сад, где сразу промок от росы, вернулся и стал смотреть видео. Спустя час снаружи слышались неторопливые уверенные шаги, открылась дверь. Гости? Как кстати!

– Один? – спросил с порога Эдмунд Ларкин.

– В поселке ни одной свободной женщины, – развел руками хозяин.

– Я про Кэттана.

Виктор выразительно поднял бровь, и Ларкин усмехнулся.

– Ладно, один так один, нотабене. Пускаешь?

Виктор распахнул дверь в гостиную.

Шеф полиции осмотрелся. Здесь, как он помнил, все оставалось от прежних хозяев, все на своих местах, и о самом Делано не говорила ни единая мелочь.

– Еще не обжился?

Виктор пожал плечами.

– Садитесь, – он указал на широкий диван, а сам уселся на ковер, прислонился к стене. – Чем порадуете?

– Хотел я тебе парочку вопросов подкинуть. Не возражаешь?

– С чего бы? Уж давно меня никто ни о чем не спрашивал.

– Сразу признаюсь, что слушал сегодня ваши с Кэттаном разговоры.

– Вот как. – В ярко-синих глазах Виктора появилось странное, загнанное выражение.

Ларкин невольно качнул головой: а парню-то, видать, это и на ум не приходило.

– Почему Кэттан так настойчиво уверял, будто ты не сможешь выполнить задание?

Виктор отвел взгляд.

– Ну хорошо, допустим, это правда. Насколько я понял, тебе и впрямь стало худо... Как давно с тобой такое?

– Семь лет, – тихо, с запинкой выговорил Виктор, а на щеках проступили красные пятна.

– С тех самых пор, как попал в аварию или что там еще было?

– Выходит, так.

Ларкин подался вперед.

– А с Кэттаном знаешь тоже семь лет? – жестко спросил он.

– Меньше. Четыре года. Как приехал в Лайз.

– И все это время он с тобой нянчится, как сегодня?

Виктор опустил голову, Ларкину не стало видно его лица, зато он видел, как краска стыда заливает даже сцепленные руки.

– Ну, что молчишь?

– Я бы дошел.

– Что? Не понял.

– Дошел бы до корабля, – пояснил Виктор. – И стартовал... мне кажется. Я очень старался. – Он виновато посмотрел на Ларкина.

Тот поерзал на диване, задумчиво помолчал, прикусив согнутый палец.

– Кроме Кэттана, у тебя еще кто-нибудь есть?

– Анжелика.

– Это одно и то же. А еще?

– Больше никого.

Ларкин прищурился.

– Кто такая Ленора?

– Откуда вы знаете? – поднял бровь Виктор. – Это... бывшая жена.

– По-моему, я что-то слышал про Наташу.

– Наташа... она погибла. – В голосе прорезалась боль.

– Когда?

– Три... ну, почти четыре месяца назад. – Виктор снова опустил голову.

– Значит, Ленора была раньше?

– Нет.

– После? Шустрый какой, нотабене. Когда ж ты успел?

Виктор не ответил. Впрочем, шеф уже выяснил все, что хотел, и переменял тему:

– Почтовик прибыл. – Ларкин слезил во внутренний карман, достал конверт и еще какой-то лист стандартного размера. – Капсулу сбросил и ушел, все как надо. – Он протянул конверт Виктору: – Читай.

Адресованное в Серебряный Лайз и пересланное сюда, на Изольду, письмо шло почти месяц.

«Вики, родной мой, ты бы знал, как я по тебе соскучилась! Без тебя все не то и не так. Очень хочу вернуться, я вернусь, можно? Ни в чем не буду тебя упрекать, мне легче думать, что сама во всем виновата. Вики, мой единственный, я хочу быть с тобой, я люблю тебя, слышишь?! Очень люблю, и никто другой мне не нужен.

*Самое смешное – ты не поверишь – я нанялась научную экспедицию. Здесь все страшно умные и очень милые, особенно начальник Кен Нортон, но я не забываю о тебе ни на минуту. Если захочешь, напиши на Эльзикар: экспедиция Кеннета Нортон, как раз успею получить. Люблю тебя.
Ленора Делано»*

Виктор хмуро сложил письмо и сунул обратно в конверт. «Люблю», подумайте только. Будет врать-то. К тому же его задело, что Ленора подписалась фамилией Делано. И вообще... Удумать же такое надо – письмо в конверте! Особый, понимаете ли, шик. Да те деньги, что за него плачены – это чуть ли не половина стоимости билета на экспресс. Взяла бы и приехала, раз неймется. Хотя не больно-то ее тут ждали...

Ларкин смущенно кашлянул и расправил на колене лист пластика, который принес вместе с письмом.

– Тут вот есть одно сообщение... старое, тебя еще здесь не было... из сводки новостей. Я как на письмо поглядел, в памяти-то и всплыло, нотабене. Может, тебя тоже касается.

Виктор взял протянутый лист. Экипаж «Золотого дракона» сообщал, что найден источник загадочного излучения в секторе 169 на трассе 28-В. На Цинне обнаружены следы высадки группы Дмитрия Белого. Ну и что? Ага, вот... Экспедиция Кеннета Нортон, направлявшаяся на Огненную планету через Эльзикар, вылетела с Ченги 25-го марта по общегалактическому условному времени, но Эльзикара не достигла. Сведений о ее местонахождении нет, выслана группа поиска. В составе экспедиции Жан Лотт, Черри Солей, Сергей Тимофеев, Станислав Кильвинский, Ленора Делано... Нора! Да как же это?

Виктор вскочил на ноги, сверкнул глазами.

– Убийца!

– Ты чего? – Ларкин на всякий случай тоже встал. – Очумел?

– «Десперадо»! Он их сожрал.

– Постой... но может, и нет? Я уже послал запрос на Франческу. Пока еще в нашу глубинку новости... А-а, вот и ты, – перебил себя Ларкин, оборачиваясь к двери. – А я-то тебя жду-пожду, а тебя все нет как нет.

На пороге стоял Кэттан Морейра.

– Что это ты обо мне затосковал?

– Послушай, – рванулся к нему Виктор, собираясь рассказать про Ленору, однако Ларкин остановил его жестом:

– погоди. – Шеф приблизился и встал перед Кэттом. – Вот что, Кэттан, я тебе скажу: не нравятся мне твои занятия. Бог свидетель, лично против тебя я ничего не имею, но не хочется, чтоб ты играл здесь в эти игры, нотабене. Так что не угодно ли будет убраться, откуда явился?

– Не угодно, – спокойно ответил Кэтт. – Мне и здесь хорошо.

– Шеф... – начал было сбитый с толку Виктор.

– Помолчи. А ты, Кэттан, все-таки уезжай. Завтра придет экспресс, вот и отправляйся.

– Эд, послушай. Ты, к счастью, многого не знаешь...

– И знать не хочу! – перебил Ларкин, повысив голос. – Завтра чтоб тебя тут не было.

Кэтт посмотрел на него своими бархатными кофейными глазами и покачал головой.

– Нет.

– Шеф, за что вы... – снова вмешался Виктор, раздраженный тем, что ровным счетом ничего не понимает.

Ларкин стремительно обернулся.

– А вот у него и спроси! Спроси, какого черта... – Тут он одумался и прикусил язык. – Все, Кэттан, довожу до твоего сведения, что ты здесь больше не работаешь.

– Эд!

– Разговор окончен, – отрубил Ларкин, обогнул его и уже в дверях обернулся. – Кстати: для тебя у меня тоже есть письмо. – Он достал конверт и сунул Кэтту в руки. – Доброй ночи, Виктор.

Кэтт подержал письмо двумя пальцами за уголки, задумчиво повертел, потом вскрыл-таки, развернул, глянул – и дернулся, как от внезапной боли, даже лицо побелело. Виктор подошел, взял лист в руки и непонимающе уставился. Буквы человеческие, все как положено, а вот слова...

*«Контурабино плопски нраста, золи ш анкод жира ил квот, сурда пше
но бангус котун» —*

и так далее, всего четыре строчки.

– Кэтт! И ты из-за этой галиматъи расстраиваешься? Что за бредятина?

Кэтт перевел дыхание и улыбнулся своей мягкой и чуть грустной улыбкой.

– Не спрашивай, это не твои заботы, дружище. Ну, хорошо; коли так, завтра мы улетаем на Франческу.

– Ничего подобного, – решительно заявил Виктор, уязвленный тем, что ему ничего не объясняют. – Я остаюсь: Ларкин гонит вон тебя, а обо мне речи нет.

– Слушай, Дел... – Кэтт пытался засунуть странное послание обратно в конверт, – и так тошно, давай не будем спорить.

– Будем! Хватит с меня этих загадок и недомолвок, черт побери! Что ты мною командуешь, как...

– Как кто? – Не справившись с письмом, Кэтт в конце концов смял его и сунул в карман. – Я сказал, – вдруг рявкнул он тем самым тоном, который заставлял Виктора повиноваться, – завтра на Франческу!

Оглушенный, Виктор отпрянул, постоял с потерянным видом и затем тихо спросил:

– Чем тебе помочь?

У Кэтта сжалось сердце.

– Ты мне очень поможешь, – не сразу выговорил он, – если перестанешь тормозить вопросами... и оплатишь три билета до Лайза.

* * *

Виктор просыпался медленно и сладко, не желая расставаться со сном и одновременно радуясь постепенно доходившей до сознания яви. Эта явь была исполнена нежности и тихой ласки: мягкие руки гладили его по волосам, теплое дыхание чуть касалось щеки. Он не шевелился, чтобы продлить чудесные мгновения, и легкие пальцы коснулись лба, век, губ – и тут он открыл глаза, поймал отдернувшуюся было руку и поцеловал хрупкое запястье.

– С добрым утром, – улыбнулась Анжелика.

Виктор задержал ее руку в своей, в который раз недоуменно поглядел на два тонких шрама, белеющих на коже. Невозможно было представить, чтобы Анжелика когда-то пыталась покончить с собой.

– Я тебе пирога принесла, – она поднялась с колен и присела на край постели. – Мы вчера не доели. – Анжелика указала на завернутый в салфетку кусочек на кофейном столике, такой маленький, что Виктор чуть не застонал от стыда: видать, кроме пирога, у них с Кэттом на ужин ничего и не было.

– Спасибо, Пушистик, – сказал он виновато, хотел снова поцеловать ей руку, но Анжелике это могло не понравиться – а Виктор хорошо помнил крепкую пощечину, которую схлопотал года три назад, позволив себе что-то лишнее.

Жена Кэтта Морейры была необыкновенной и загадочной, пленительной и недоступной, словно сошедшая на землю богиня. Высокая, тонкая и гибкая, с копной невероятно светлых, почти прозрачных волос, сероглазая, и глаза ее тоже были светлые и прозрачные, как благородный минерал, и такие же твердые. Не жесткие, нет, однако в них читалась непреклонная воля и гордость, усмиренная и брошенная к ногам Кэтта.

– Поднимайся, – Анжелика через одеяло погладила Виктора по плечу. – Скоро уезжать.

Он опять прикрыл глаза, наслаждаясь лаской. Даже мысль об Анжелике, как о возможной любовнице, казалась настолько невероятной, что всерьез не приходила в голову. И все-таки он точно знал, что нравится ей – и более того, он второй и единственный после Кэтта мужчина, чье прикосновение ей приятно. Но и только, и только...

– А на Франческе ты... – начал было Виктор, собираясь спросить, будет ли она и впредь приходить к нему вот так по утрам, но засомневался: – уж больно вопрос был глуп, а выглядеть перед Анжеликой дураком не хотелось.

– На Франческе – что?

– Ну... так, ничего.

Серые прозрачные глаза посмотрели на него очень пристально, затем улыбнулись.

– Если хочешь, сварю нам с тобой кофе.

– Давай, – обрадовался Виктор, – к твоему пирогу что-нибудь добавим, и выйдет отличный завтрак. А где Кэтт?

– К Ларкину собирался, – ответила Анжелика уже с порога.

Вспомнив, что у Кэтта какие-то непонятные счета с шефом, Виктор помрачнел. Если братец Кэтт воображает, будто все это не моего ума дело, он ошибается. В конце концов, ему я обязан жизнью, когда он прикрыл меня от ножа в той драке на побережье. И не кто-нибудь, а он со мной возился, когда погибла Наташа и я был совершенно не в себе. И вообще... Стараясь подавить поднявшееся раздражение, Виктор начал одеваться. Ладно уж, пусть делает, как знает.

За несколько минут, что провела на кухне, Анжелика успела устроить почти королевский стол.

– Если б твой супруг имел побольше денег, брюхо у него сейчас было бы необъятное, – заметил Виктор. Он не переставал удивляться: самые обыкновенные продукты в руках Анжелики превращались во что-то фантастическое.

– Если бы мой супруг имел побольше денег... – отозвалась было она с улыбкой, но приоткрыла и закончила с грустью: – ...мы бы их все равно не видали.

– Как это?

Она поглядела на него, будто сквозь стекло, и от этого взгляда Виктор почувствовал себя так, словно получил выговор. Ну вот, опять не мое дело.

Задетый, он молча принялся за еду. Эта парочка когда-нибудь дождется, что я на них совсем обижусь. Таинственные какие! Нищие, голодные, а таинственные как не знаю кто. И тут ему пришло в голову совсем уже неожиданное: а почему подобные вопросы не возникали в Лайзе? Почему там все казалось само собой разумеющимся? Виктор отодвинул чашку с недопитым кофе и встал.

– Так говоришь, Кэтт у Ларкина?

Анжелика кивнула, потом из груди ее вырвался судорожный вздох.

– Вики, не надо его сейчас ни о чем спрашивать. Пожалуйста. – Она вскинула повлажневшие глаза. – Я очень тебя прошу.

Казалось, она вот-вот расплачется – всегда сдержанная, гордая Анжелика!..

– Хорошо. – Пораженный, Виктор подался к двери. – Я только переговорю с шефом.

Он чуть ли не бегом бросился в Управление. Черт знает что творится, надо немедленно выяснить. Но как? Если не задавать вопросов Кэтту, о чем спрашивать у Ларкина? Он ведь тоже из их компании – еще вчера отвечать отказался. Виктор сбавил шаг. Идиотство какое-то: все что-то знают – и все молчат.

Он свернул на дорожку к Ларкину, так ничего и не придумав. Оконные рамы были подняты, и из дома доносились голоса – точнее, голос шефа полиции. Плюнув на приличия, Виктор подкрался и прильнул к стене у крайнего окна.

– ...Да уж, дела твои из рук вон, – говорил Ларкин дружески и даже как будто с сочувствием. – Право, не знаю, что и посоветовать, нотабене. На твоём месте я б занялся чем-нибудь эдаким... незаконным. Особо прибыльным.

Замерший снаружи Виктор не поверил собственным ушам.

– А я, по-твоему, что делаю? – отвечал Кэт. – Незаконней некуда.

Ларкин буркнул что-то неразборчивое.

– Но я не умею! – с непонятным раскаянием повысил голос Кэт. – Ты не представляешь, что такое полиция в Лайзе, там же стеллара незаконного...

– Да? – перебил полный иронии голос Ларкина. – То-то я слышан...

– Так это совсем другое ведомство, Эд.

– Неужели?

– Ну, не совсем...

– Ладно-ладно!

– Но оплачивается-то по другим каналам...

Вероятно, Виктор узнал бы еще много интересного о своем друге, но тут в комнате загорелся коммуникатор.

– Слушаю, Ларкин. Так. Так. Что-о? Черт... То бишь пожарить отлучался, нотабене... Ну да, да! Понял. Понял, говорю! Все.

Раздался стук – шеф в сердцах ахнул по чему-то кулаком – и голос Кэтта:

– Что там еще?

Ларкин не ответил, однако Виктор услышал какое-то движение.

– Эд... Да ты что, в самом деле?!

Пожалуй, самое время войти.

– Не двигаться! – вдруг страшно заорал шеф. Виктор замер у крыльца. – Руки! – продолжал Ларкин. – Убью!

Послышался грохот опрокинутой мебели, затем рухнуло тело. Тишина.

– Ты рехнулся? – простонал Кэт.

Сбросив оцепенение, Виктор ринулся в дом.

Широко расставив ноги, Ларкин стоял с портативным дезинтегратором Прайса в руке: короткое толстое дуло было направлено на распростертого на полу Кэтга. Шеф вскинул голову, когда распахнулась дверь.

– Пошел вон! – заорал он страшней прежнего. – Вон отсюда!

Сжимаясь от крика, Виктор попятился. На полу шевельнулся Кэт.

– Убью! – срывая голос, взревел Ларкин и саданул его ногой под ребра. – Убирайся! – зарычал он на Виктора. – Иди к Шелтону и делай, что он скажет!

Не в силах противиться, Виктор отступал.

– Быстрее! – дико орал Ларкин. – Вали отсюда! «Десперадо» вернулся на орбиту, – добавил он хрипло, но вполне человеческим голосом. – Сожрал в седьмом секторе челнок и возвратился. А через два часа придет экспресс.

Глава 2

Кэттан Морейра, сотрудник полицейского Управления в Сильвер-Лайзе, растерянно стоял на набережной, у белого парапета из настоящего мрамора. Внизу переливалось блестящим морем. Налево уходил широкий бульвар, напоенный ароматом цветущих деревьев: белые, желтые, алые, фиолетовые цветы сплошь покрывали кроны. В Серебряном Лайзе деревья цветут круглый год; по большей части они искусственные, но лишь наметанный глаз отличит умелую подделку. Справа лежала площадь с фонтанами и пестрой толпой гуляющих, которые после дневных дел высыпали на остывающие к вечеру улицы. Над площадью висел огромный воздушный шар, изображавший эмблему Сильвер-Лайза: обнаженная девушка на дельфине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.